
ПОДПИСЬ МАТЕРИ
ДАРЬЯ ТАЛЬВИНА
16+

Максим Вересов
Подпись матери

https://litres.ru/74828124
SelfPub; 2026

Аннотация

Восемнадцать лет Ирина знала, что тетя ушла сама. После похорон матери она находит подписанное признание: последней встречи, которую помнит вся семья, не было. Но когда-то Ирина тоже подтвердила этот визит — и много лет убеждала двоюродную сестру Катю ждать мать. Разбирая старые долги, фотографии и чужие воспоминания, Ирина все чаще сталкивается с братом Антоном. Он всегда помогал им обеим и теперь предлагает оставить прошлое в покое. Чтобы узнать, что случилось с пропавшей женщиной, Ирине придется проверить не только его слова, но и собственную подпись. Что останется от семьи, если перестать соглашаться ради нее?

Содержание

Глава 1. После гостей 5
Глава 2. На одну ночь 18
Глава 3. Назначенная встреча 30
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Подпись матери

Это художественный роман. Персонажи, диалоги и обстоятельства являются частью вымышленной истории.

Текст романа создан и отредактирован с использованием генеративного искусственного интеллекта ChatGPT по замыслу и указаниям автора проекта.

Глава 1. После гостей

Антон предложил выбросить мамины туфли, пока Ирина еще держала одну в руке.

— Они тебе малы, — сказал он. — И набойка слетела. Поставь сюда.

Он раскрыл черный пакет, в котором уже лежали три пластиковых контейнера с засохшим салатом. На дне одного блестела вилка. Ирина вытащила ее за зубцы и положила на комод.

— Это из набора.

— Помоем.

Брат встряхнул пакет. Ирина опустила туфлю на полку, рядом со второй. Обе носками наружу: так Вера Алексеевна ставила их после работы. На правой коже был маленький бугорок под мизинцем.

В кухне кто-то передвинул стул. Последней осталась Тамара Павловна с пятого этажа. Она перемыла чашки, сложила полотенце вчетверо, но все еще открывала и закрывала кран. Ирина хотела позвать ее посидеть и не знала, о чем говорить. Со двора доносился короткий скрежет: водитель складывал в багажник ножки арендованного стола.

— Я договорился, завтра в десять приедут из фонда, — сказал Антон. — Одежду заберут. Хорошую. Остальное мы сами.

— Завтра?

— А что тянуть? Тебе на работу. У меня послезавтра замер в области. Катю лишний раз дергать не будем.

Ирина посмотрела на верхнюю полку. Мама хранила там летние сумки, набив каждую газетами. Дужка зеленой торчала из чехла от подушки.

Она собиралась приехать в пятницу вечером и отдать маме свой старый телефон. Купила к нему крупный красный чехол, чтобы было проще найти в квартире. В субботу утром телефон еще лежал на зарядке у Ирины дома, когда позвонил Антон.

Теперь был вечер среды, и брат уже знал, куда отдать мамины вещи.

— Я завтра не успею, — сказала она.

Антон присел у нижнего ящика.

— Успеешь. Мы с тобой вдвоем быстро. Не надо каждую кофточку перебирать.

На кладбище он все время подавал ей руку. В автобусе пересадил к окну, потому что она обычно плохо переносила дорогу. Сам поговорил с работником, который ждал оставшуюся оплату, нашел потерявшуюся ленту, увел Катю, когда та долго не могла застегнуть пальто. Ирина за весь день ни разу не спросила, сколько ему должна.

— Я хочу сначала посмотреть карманы.

— Ну посмотри. Только там одни фантики.

Он выдвинул ящик. Внутри оказались завернутые в бума-

гу зимние сапоги, щетка и жестяная коробка из-под леденцов. Антон отложил коробку на комод, туда же, где лежала вилка.

— Ключи. Не потеряй. От дачи тоже там.

Из кухни выглянула Тамара Павловна.

— Ирочка, я пойду тогда. Все убрано. В холодильнике котлеты в синем, их сначала съешьте. Рыбу я не стала оставлять.

Ирина обняла ее у двери и только после объятия заметила на черной блузке белую дорожку от муки. Соседка пекла пирожки с утра.

— Спасибо вам.

— А что спасибо. Верочка бы мне тоже.

Тамара Павловна потянулась поправить воротник Ирининого платья, передумала и убрала руку.

Антон вышел проводить ее до лифта. Ирина услышала:

— Если кто из соседей спросит, я всем сам позвоню. Ее не надо пока.

Она закрыла дверцу шкафа и снова открыла. Хотелось сделать хоть что-нибудь, что имело бы обычный конец: застегнуть молнию, повесить пальто, разобрать одну полку. Она сняла мамин серый жакет, проверила оба кармана. В одном был сложенный магазинный чек, в другом — очки в мягком футляре. На дужке прилип короткий седой волос.

Ирина положила очки на комод. Чек собиралась выбросить, но оставила рядом.

Антон вернулся с кухни с двумя стаканами воды.

— Выпей. Ты с утра ничего.

— Я ела.

— Половину огурца я видел.

Она взяла стакан. Антон смотрел, пока не отпила.

— Катя доехала?

— Написала. Все нормально.

— Она одна сейчас?

— Рома в пятницу вернется. Я ей сказал, пусть спит. Ей теперь надо себя беречь.

Он произнес это с осторожным довольством, с которым в последние недели говорил о Катиной беременности. До сегодняшнего дня Ирине нравилось слушать его в такие минуты. После рождения первого сына Антон стал мягче к детям вообще, а Катю, которую возил в школу и учил парковаться, считал почти своей старшей дочерью.

— Может, к ней поехать?

— Ир, мы полчаса назад разъехались. Не надо сейчас друг друга накручивать.

Он поставил свой стакан на подоконник и достал телефон. Ирина разобрала два сообщения: «Да, все прошло» и «Я позже». Потом он прикрыл экран ладонью.

— У вас в клинике нормально отнеслись? До понедельника отпустили?

— До пятницы.

— Поговори еще. Я могу с твоей заведующей.

— Не надо, я сама.

— Ну сама так сама.

В его голосе не было обиды. Он уже вернулся к телефону.

Ирина отодвинула плечики с блузками. За ними лежал большой прозрачный пакет с постельным бельем. Мама носила чистые комплекты через всю квартиру, чтобы хранить в платяном шкафу: в старом буфете, по ее мнению, они отсыревали. Синяя молния на пакете разошлась посередине. Ирина потянула край на себя, подхватила снизу, и между стенкой и стопкой наволочек зашуршала бумага.

На пол упала тонкая канцелярская папка.

— Что там? — спросил Антон, не поднимая головы.

— Бумаги.

— Пенсия в верхнем ящике письменного. Я смотрел.

На обложке были наклеены два узких прямоугольника малярной ленты. На верхнем мама написала: «Ирине». На нижнем: «Прочитать обе страницы».

Ирина большим пальцем пригладила уголок ленты. Клей держал крепко, однако мама зачем-то обвела края прозрачным скотчем.

— Мне.

Антон наконец посмотрел.

— Что тебе?

— Тут мое имя.

Он сунул телефон в карман и подошел. Ирина уже расстегнула пластиковую кнопку.

Внутри лежали два листа, сложенные пополам вместе, текстом внутрь. Она развернула их. В верхнем углу первого было напечатано: «О событиях 19–20 сентября 2008 года». Ниже шло мамино полное имя.

Ирина опустилась на табурет у шкафа. По дереву под ладонью прошла знакомая царапина — это она в детстве проверяла, можно ли разрезать сиденье портновскими ножницами.

— Это про тетю Лиду, — сказала она.

Антон остановился возле комода.

— Что про нее?

Ирина начала читать.

«Ранее я сообщала, что утром 20 сентября 2008 года моя сестра Котова Лидия Алексеевна приходила ко мне домой. Эти сведения не соответствуют действительности. В то утро я сестру не видела и с ней не разговаривала».

На слове «ранее» мама поставила над строкой маленькую галочку, ничего не приписав. Ирина посмотрела на вторую страницу. Та начиналась продолжением фразы, никаких пропусков между ними не было.

— Дай, — сказал Антон.

Он протянул руку. Ирина подняла на него глаза, затем снова посмотрела в лист.

«Мой муж, Сомов Борис Викторович, сказал мне, что Лидия решила уехать от мужа и просит не препятствовать ее отъезду. Он просил сообщить, что она приходила утром, так

как это должно было дать ей время. Я согласилась. Место, куда она якобы уехала, мне названо не было. Непосредственно от сестры такой просьбы я не получала».

— Мамина подпись? — спросил брат.

Внизу первого листа стояли дата и подпись. Так мама расписывалась на всех открытках из санатория: сначала высокая буква «В», потом фамилия, у которой только начальная «С» сохраняла очертания. Подпись Ирина видела и в субботу, когда искала мамин полис.

Двадцать первое октября две тысячи двадцать шестого года.

Мама составила это три недели назад.

В тот день Ирина звонила ей в половине девятого. У них зависла программа записи, пациентка сорок минут просидела с опухшей щекой, а потом оказалось, что ее давно принял другой врач. Ирина жаловалась, что больше не может работать администратором, что каждый считает себя единственным человеком в мире. Мама слушала и спрашивала, ела ли она.

— Покажи, я тоже прочитаю.

Ирина дала брату первый лист. Второй оставила у себя.

«После исчезновения сестры я поддерживала рассказ о ее добровольном отъезде. Самостоятельных сведений о ее местонахождении у меня не было. Телефонных разговоров с ней после 19 сентября 2008 года не было. Писем непосредственно от нее я не получала. Деньги для Екатерины мне пе-

редавали муж и сын. При передаче я говорила, что это от Лидии. Подтвердить происхождение этих денег я не могу».

Дальше мама вычеркнула напечатанное предложение. Оно оставалось читаемым: «Я хотела защитить семью». Сверху мелко написала: «Это не объясняет».

Ирина дочитала страницу до конца. Там тоже стояла подпись, затем, уже от руки, несколько строк:

«Ира, я не знаю, куда она делась. Папа мне так и не сказал. Я долго верила, потом боялась спрашивать. Ты не должна больше говорить, что видела ее утром. Ты видела человека со спины. Все остальное я сказала тебе сама. Отдай Кате оба листа. Не рассказывай своими словами».

— Адвокат какой-то писал, — сказал Антон.

Он держал первую страницу близко к лицу, хотя очки для чтения ему пока не требовались.

— Тут номер телефона, внизу.

Антон перевернул свой лист. На обороте было что-то написано синим.

— Корнеева Н. С., — прочитал Антон. — Надежда Сергеевна. Ты знаешь?

— Нет.

— Я тоже.

Он сел на край маминой кровати. Покрывало под ним натянулось, съехала маленькая диванная подушка, которую днем принесла Тамара Павловна.

— Откуда у нее вообще это опять?

Ирина молчала.

— Катя, наверное, спрашивала. Из-за ребенка. Она со всеми этими семейными альбомами носится.

— Это двадцать первого написано.

— Я вижу.

— Ты с мамой говорил про Лиду?

Антон потер большим пальцем подбородок.

— Когда? Мы восемнадцать лет про нее говорили.

— В октябре.

— Я не помню. Может, говорили. Ир, ты мне вторую дашь?

Она отдала.

Пока он читал, Ирина смотрела на открытый шкаф. Между плечиками висел пустой розовый чехол с прорезью для крючка. Когда-то таких чехлов было два. В одном хранилась мамина шуба, в другом — вещи, которые отдавали в химчистку.

У Лиды было пальто цвета топленого молока. Ирина вспомнила его сейчас с такой легкостью, что почти увидела на дверце шкафа. Крупные пуговицы, пояс, узкие манжеты, всегда темнее остальной ткани. Когда тетя Лида садилась, она сначала расправляла полы на коленях, и Ирина в шестнадцать лет переняла это движение. Даже летом, в джинсовой юбке, зачем-то одергивала край перед тем, как сесть.

Утром двадцатого сентября на кухне стояла женщина в этом пальто.

Ирина и раньше помнила это утро: вышла в коридор, прижимая к груди полотенце, и увидела у окна светлую спину. Волосы были убраны под воротник, голова чуть наклонена. На подоконнике что-то лежало. Женщина не обернулась. Ирина, еще сонная, прошла в ванную, пока не проснулась Катя.

Потом мама сказала:

«Лида забегала. Ты же видела».

Да, видела.

Позже, когда искали Лиду, Ирина повторила это чужому усталому мужчине, сидевшему за столом в маленькой комнате. Он спросил про время, и она посмотрела на маму. Мама сказала, что около девяти. Ирина согласилась. Ей дали прочитать лист, и она нашла там свое имя, описание пальто и слова о том, что тетя Лида приходила утром.

Она подписала.

И больше никогда не рассказывала, что лица не видела. Даже себе не рассказывала: какое значение могло иметь лицо, если мама разговаривала с сестрой?

Антон положил обе страницы одну на другую.

— Ну, мама, — сказал он тихо.

Ирина протянула руку. Он вернул листы.

— Мы же ее утром видели, — сказал он. — То есть ты с мамой. Что она теперь...

— Я лица не видела.

Антон посмотрел на нее.

— А тогда почему говорила, что видела?

— Потому что мама сказала, что это Лида.

В квартире стало слышно воду. В кухне не до конца закрыли кран; каждая капля попадала в оставленную на дне раковины чашку. Ирина подумала, что Тамара Павловна расстроилась бы, узнав, что оставила чашку немытой.

— Так, — сказал Антон. — Давай спокойно. Во-первых, сейчас мы ничего не решаем. День был тяжелый. Во-вторых, надо узнать, с кем она говорила и что ей посоветовали. Телефон есть, завтра позвоним.

Он встал и подобрал подушку.

— Ты же понимаешь, Катя столько всего придумала себе про мать. От нее одного слова достаточно, и она опять начнет ждать.

Ирина перечитала последние строки. «Не рассказывай своими словами».

Почерк после слова «Отдай» съехал вниз. Мама писала на чем-то мягком. Или рука устала. Ирина вдруг остановилась: еще секунду назад она почти видела стол и мамину руку, хотя ничего этого не знала.

Она достала телефон и сфотографировала первый лист. Потом второй, затем оборот с номером. Проверила снимки: обе подписи влезли целиком.

— Отправляешь? — спросил Антон.

— Себе сохраняю.

— Правильно. Оригиналы убери в письменный, там папка

с квартирой. Я закрою.

Он показал на связку ключей в жестяной коробке.

Ирина выпрямила сгибы и положила страницы обратно в прозрачную папку. Туда же вложила картонку, чтобы они не мялись.

— Я возьму.

— Как хочешь.

Брат потер шею под воротником. Ему тоже надо было снять похоронный костюм, вымыть руки, лечь где-нибудь без телефона. Ирина знала, что завтра он опять встанет первым и отвезет младшего сына на занятия. Она хотела сказать ему, что не подозревает его ни в чем. Но он этого не спрашивал.

Антон поднял с пола пакет, завязал. Вилка все еще лежала на комоде, и он наконец ее заметил.

— Вот, — сказал он, поднимая вилку двумя пальцами. — Считай, спасла.

Он унес ее на кухню.

Ирина убрала мамины очки в футляр, поставила обе туфли глубже на полку. Сняла с плечиков пальто, в котором ходила на похороны. В рукав попал угол прозрачной папки; она вытянула его и положила папку в сумку.

Из кухни Антон спросил:

— Тебя куда отвезти? В гостиницу?

— Я на такси.

— Зачем? Мне по пути.

Она открыла переписку с Катей. Последнее сообщение

было отправлено час назад: «Я дома. Спасибо вам за все».

Ирина нажала на значок звонка.

Катя ответила не сразу. За ее голосом гудела вытяжка.

— Ир? Что-то забыла?

— Я нашла у мамы бумаги. Про твою маму. Мне нужно тебе их показать.

Гудение прекратилось.

— Какие бумаги?

Ирина посмотрела на застегнутую сумку.

— Она написала, что Лида к нам утром не приходила.

Катя ничего не сказала. Ирина подождала, удерживая телефон возле уха. Брат вышел в коридор с ключами от машины.

— Ты тогда тоже говорила, что она приходила, — наконец сказала Катя.

— Знаю. Я приеду и расскажу, что видела. Листы привезу оба.

Антон остановился у обувной полки. Ирина наклонилась застегнуть ботинок и не попросила его придержать сумку.

Глава 2. На одну ночь

Катя открыла дверь с мокрой тряпкой в руке.

— Проходи, тут сухо. Я только у плиты.

На полу прихожей лежали сапоги, один на боку. Ирина поставила свои рядом, не расстегивая пальто. Из кухни пахло уксусом. Перед поездкой она придумала, как начнет: сядут, она скажет про дату, объяснит, что мамины слова еще надо проверить. Теперь Катя стояла перед ней и смотрела на сумку.

Ирина вынула папку.

— Вот.

Катя положила тряпку на обувную полку, потом взяла ее обратно.

— Руки вымою.

Она ушла в ванную. Вода текла долго. Ирина сняла пальто и повесила поверх рабочей куртки Ромы, которую он не взял в поездку. Из кармана торчала упаковка с шурупами. Она перевесила пальто на свободный крючок.

На кухне Катя убрала со стола миску с яблочной кожурой. На плите в открытой кастрюле лежал пригоревший рис.

— Поставила и забыла. Потом отмывала.

— Ты ела?

Катя потянулась к папке.

Ирина села напротив. Пока та вынимала листы, Ирина за-

метила на столе два круглых следа от чашек. Один был темнее другого. Оба она могла стереть, могла убрать кастрюлю, открыть окно. Вместо этого держала ладони на коленях.

Катя читала медленно. Дочитав первую страницу, сразу перевернула вторую. На оборот не посмотрела. Ирина открыла было рот, но промолчала: номер можно показать после.

У холодильника включился компрессор. Катя отодвинула миску подальше и разложила страницы рядом. Провела пальцем вдоль последних строк.

— Она мне велела отдать, — сказала Ирина.

— Я вижу.

Катя вернулась к началу, затем перевела взгляд на подпись. На костяшке ее среднего пальца был маленький порез, края белели от воды.

— Ты была с ней в тот день?

— Двадцать первого? Нет. Я была на работе.

— А когда она это писала?

— Не знаю. Нашла сегодня после того, как все ушли. Антон был со мной.

— Он прочитал?

— Оба листа.

Катя кивнула и подвинула к себе вторую страницу.

— Он тебе сказал мне не привозить?

— Сказал, что надо сначала узнать, с кем мама разговаривала.

— А мне когда сказать?

Ирина посмотрела на тряпку у раковины. Та лежала на маленькой тарелке с обломанным краем.

— После. Наверное.

— Ты тоже так хотела?

— Сначала хотела позвонить этому человеку.

— И если бы он сказал, что это все неправда?

Ирина не успела ответить.

— Не надо, — сказала Катя. — Ты же не знаешь.

Она встала, открыла шкаф и достала два стакана. В один налила воду из фильтра, второй оставила возле крана. Отпила стоя. Ирина ждала, пока она сядет, и почувствовала знакомое желание объяснить, сколько всего произошло за день. На кладбище Катя держалась за ее локоть; в автобусе уснула, не успев снять шапку. Было бы легко начать с этого.

— Я боялась, что ты снова начнешь ее ждать, — сказала Ирина.

Катя вернулась за стол, не выпуская стакана.

— Я не переставала.

В следующую секунду она поставила воду слишком близко к листам и сразу отодвинула.

— Не каждый день. Иногда вообще месяцами не думаю. Потом звонит чужой номер. Или кто-нибудь в магазине похож со спины. Я знаю, сколько ей было бы. Я не шестилетняя.

— Я знаю.

— Тогда зачем решать, чего я не выдержу?

— Затем и приехала. Чтобы больше не решать за тебя.

Катя поправила лист, выровняв его по краю стола.

— Ты сегодня по телефону сказала, что расскажешь, что видела.

Ирина начала с полотенца. Она помнила зеленую полоску по краю и то, как прижала его к груди, придерживая ночную футболку. В коридоре не горел свет, дверь в кухню была открыта. Человек стоял возле окна, спиной к двери. Светлое пальто, темные волосы у воротника. Ирина направилась в ванную.

— Она хоть что-нибудь сказала?

— Я не слышала.

— А ты?

— Тоже нет.

— Ты к ней не подошла?

— Нет. Потом мама сказала, что Лида приходила. Я решила, что видела ее.

— Сразу сказала?

Ирина попыталась представить продолжение того утра: мокрый край полотенца, завтрак, Катю на стуле с подогнутой ногой. Все эти вещи она помнила из многих выходных.

— Не могу сказать. В тот день. Наверное, за завтраком, но это уже я додумываю.

Катя взяла со столешницы ручку, повертела в пальцах и положила обратно.

— А когда тебя спрашивали?

— Я сказала, что утром видела тетю Лиду на кухне. Мне дали лист. Я прочитала и подписала.

— И там было, что ты ее видела?

— Да.

— Ты запомнила, что там было написано, или сейчас так думаешь?

Ирина подняла на нее глаза. Катя смотрела устало, без удовольствия от вопроса.

— Про пальто помню. И что она приходила. Весь текст не помню. Копии у меня нет.

— Почему ты потом мне этого не сказала?

Вопроса о подписи Ирина ждала еще в такси. Этот оказался хуже. Катя спрашивала не о том утре.

— Я не считала, что есть разница. Мне казалось, мама знала точно. Потом мы уже всегда так говорили.

Катя провела ногтем по высохшей капле на стакане.

— Мне всегда представлялось, что вы с ней сидели. Ты рассказывала, что она ненадолго забежала.

Ирина помнила эти слова. Несколько лет назад Катя спросила об исчезновении после дня рождения Веры, когда они вдвоем убирали тарелки. Ирина ответила, не остановившись: ненадолго забежала, потом опять ушла. Катя спросила, была ли мать веселая. На этот вопрос Ирина тогда сказала, что не помнит.

— Я не сидела с ней. И не видела, как она уходила.

— Про то, что уходила, я знаю. Я тебя спрашивала тогда.

Ирина больше ничего не добавила.

Катя смотрела на вторую страницу, на строчку про деньги. Затем подвинула ее Ирине.

— Вот это как понимать?

— Я не знаю, откуда они были. Мне мама говорила то же, что тебе.

— А ты передавала?

— Один раз. На ботинки. Мама дала конверт, я привезла.

Катя откинулась к спинке стула.

— Синие, — сказала Катя. — Я выбрала синие, а мне купили коричневые. Сказали, что синие маркие. Я потом долго думала, что мама расстроится, потому что я купила не те.

Она помолчала.

— У тебя есть фото этих страниц?

— Есть. Пришлю.

— Все. И оборот.

Ирина взяла телефон. В переписке с Катей еще стояло «Я дома. Спасибо вам за все». Ниже легли три фотографии. Ирина увеличила первую, проверила нижний край, потом повернула аппарат к Кате. Та посмотрела уже на своем экране.

— Оригиналы где будут?

Ирина хотела сказать, что уберет их у себя. Папка лежала перед Катей, и для такого ответа пришлось бы потянуть ее на свою сторону.

— Можешь оставить. Я только сфотографировала, пока

они еще были в маминой квартире.

— В этой папке и оставлю. Чтобы ничего не перепутать. Ты не против?

— Нет.

Катя вернула страницы в прежний сгиб, остановилась и расправила их снова.

— Это больше не надо складывать, да?

— Давай положим ровно.

Ирина помогла подвести картонку под оба листа. На мгновение их руки оказались рядом. Катя подвинула папку к стене, дальше от воды.

Телефон Ирины загорелся. Антон спрашивал, доехала ли она. Ирина написала: «Да, я у Кати». Следующее сообщение пришло сразу: «Завтра до десяти успеешь? Вещи надо отделить».

Она смотрела на него, пока экран не потемнел.

— Он? — спросила Катя.

— Да. Про разбор квартиры.

— Скажи, пусть мои коробки не трогает.

— Какие?

— С антресоли. Там альбомы и мамино. Он знает.

Ирина снова открыла переписку и набрала просьбу. Добавила, что утром приедет позже. Брат ответил знаком поднятого пальца. Ей стало легче, и от этой легкости захотелось убрать телефон в сумку.

Катя взяла оставленный возле крана стакан и налила воду

Ирине. Села, но сразу поднялась снова.

— Подожди.

Из соседней комнаты донесся стук дверцы. Ирина увидела через проем край разобранного дивана и лежавший на нем черный свитер. После похорон Катя, вероятно, только сняла одежду и пошла на кухню. Примерно так же Ирина собиралась добраться до гостиницы: бросить платье, лечь, не разговаривать.

Катя вернулась с небольшой клетчатой сумкой. Пластмассовые ручки пожелтели, застежка-молния была заменена бельевой прищепкой. Она поставила сумку на свободный стул.

— Это из тех коробок. Я летом забрала, когда Вера Алексеевна шкафы двигала.

Ирина помнила эту сумку. В ней возили на дачу хлеб, положив сверху полотенце, чтобы не крошился на остальное. Позже сумка пропала из прихожей, и Ирина не заметила когда.

— Она сказала, тут мое детское. Выкинуть жалко, пусть у меня будет.

Катя сняла прищепку. Внутри лежали выцветшая пижамная кофта, маленькие брюки и тонкая книга с потрескавшимся корешком. Она вынула кофту и разложила на коленях. У одного рукава была растянута манжета.

— Я в ней ночевала у вас.

— Помню.

— Постоянно?

Ирина посмотрела на нарисованного зайца, почти стершегося на груди.

— Не знаю. Саму помню.

— Вера Алексеевна сказала, что в этой сумке мама принесла меня в тот раз. То есть вещи принесла. Я сначала подумала, зачем она столько лет хранит.

Катя подняла брюки за пояс. На резинке еще держалась короткая белая нитка.

— Мне теперь хочется вспомнить, как она собирала. Я вижу, как сидит на корточках у шкафа. Только это могло быть когда угодно. Она всегда так доставала с нижней полки.

Катя раскрыла книгу. Внутри нашлись две засушенные травинки. Она быстро закрыла, чтобы не высыпались.

— Если бы мама собиралась уехать надолго, зачем здесь одна пижама?

— Она могла не сказать, что надолго.

Катя резко посмотрела на нее.

— Опять?

— Нет. Я не знаю, что она собиралась. Правда не знаю.

Ирина отодвинула свой стакан и помогла убрать вещи, которых Катя больше не касалась. Кофта оказалась мягкой, с тонким жестким швом у воротника. Она положила ее поверх брюк, книгу оставила рядом.

— Мне говорили, что на одну ночь, — сказала Катя. — Что завтра заберет. Я в первый день не плакала. Только не хотела чистить зубы чужой щеткой. Вера Алексеевна новую

дала, а я думала, чужая, потому что не моя.

Она взяла со стола прищепку и несколько раз разжала ее.

— Я раньше про это спрашивала. Мне сказали, она передумала. Уже после. Сначала хотела забрать, потом решила, что мне лучше у вас.

Ирина помнила именно такой рассказ. Сначала несколько дней, затем школа, потом не надо дергать ребенка посреди года. Лидия всякий раз принимала новое решение где-то далеко, откуда никому нельзя было позвонить.

— Это тоже мама говорила?

— И она. И дядя Боря. Антон потом объяснял, когда я спрашивала. Ты уже редко приезжала.

Катя сложила сумку, но прищепку пока не закрепила.

— Я не хочу теперь придумывать хорошую маму. Может, она и хотела сбежать. От меня тоже. Только пусть это будет то, что она сделала. А не что вы друг другу сказали.

Ирина отпила воды.

— Там на обороте телефон, — сказала она. — Корнеева Надежда Сергеевна. Завтра позвоню и спрошу, можно ли прийти. Мы вместе можем.

— Я сама позвоню.

— Хорошо.

— И не потому, что не верю тебе.

Катя подняла папку и посмотрела на номер.

— Хотя я сейчас не очень понимаю, чему верю. Я хочу сама спросить.

Она внесла контакт в телефон. Часы над дверью показывали половину десятого. Катя набрала короткое сообщение, прочитала Ирине: представилась дочерью Лидии Котовой, написала о найденном тексте Веры Сомовой и спросила о приеме завтра. Отправила, положила аппарат экраном вверх.

— Если она не ответит?

— Утром позвоним. Если номер не работает, будем искать, где принимает.

— И потом с этим куда-то надо идти.

— Да. Я должна рассказать про свое утро.

Катя посмотрела на нее поверх папки.

— Ты опять скажешь, что я должна себя беречь?

— Постараюсь не сказать.

— Не старайся. Просто без меня не ходи.

Ирина кивнула. Катя убрала листы в верхний ящик комода в комнате; вернувшись, открыла окно на кухне. В щель потянуло холодом и сырым запахом двора. Где-то внизу дважды хлопнула автомобильная дверь.

— Ты в гостиницу? — спросила она.

— Да. Вещи там.

— Можешь здесь. Только диван раскладывать надо, а я половину постели кинула в стирку.

Ирина уже потянулась к спинке стула, чтобы встать. Завтра у Кати будет достаточно поводов устать от нее. Сейчас можно было уехать, оставить ее с папкой и позвонить утром, как они обычно делали после тяжелого разговора.

— Я могу съездить за вещами и вернуться. Если хочешь.

Катя закрыла окно.

— Хочу. Только не надо мне везти еды. У меня холодильник после вас не закрывается.

Ирина встала, взяла со стула сумку и подала Кате. Та не стала убирать ее в комнату. Положила на подоконник, где не было ни кастрюли, ни мокрой тряпки.

У двери Ирина вызвала такси с двумя остановками. Из кухни Катя спросила, есть ли у нее зарядка.

— Возьму.

— Возьми длинную. Розетка только за диваном.

Ирина проверила адрес гостиницы в приложении и дописала водителю: «Подождать, заберу вещи и обратно».

Глава 3. Назначенная встреча

Утром Катя просунула телефон между чашкой Ирины и тарелкой с хлебом.

— В одиннадцать сорок. Написала, чтобы взяли паспорта и то, о чем хотим поговорить.

Ирина прочитала сообщение. Под ним стоял адрес на улице за рынком. Она ходила мимо этого дома в школу; на первом этаже когда-то продавали ткани, и мать просила не заходить туда после уроков, потому что все равно ничего не купят. Теперь в доме принимала женщина, чей номер Вера записала на обороте своего отказа.

— Успеем, — сказала она.

Катя намазывала масло на хлеб. На ней была та же длинная футболка, в которой она легла спать. Ирина ночью слышала, как та вставала, ходила на кухню и возвращалась; потом сама встала попить и обнаружила, что Катя оставила ей свет в коридоре.

— Антон звонил? — спросила Катя.

— Пока нет.

— Он с утра обычно.

Ирина взяла свой телефон. В половине восьмого брат написал, что перенес вывоз вещей на субботу: женщина из фонда заболела. Ниже спрашивал, забрать ли их обеих на обед.

Катя наклонила голову, читая с ее экрана.

— Ответь, что сами поедим.

— Я скажу про встречу.

Катя положила нож.

— Ты хочешь его позвать?

— Нет. Просто сказать, куда мы едем.

— Зачем?

Ирина уже открыла поле для ответа. В клинике она весь день сообщала, кто где находится, насколько опаздывает и когда освободится кабинет. Дома делала то же самое, даже если никто не просил.

— Чтобы он нас не ждал.

— Так и напиши, что не надо ждать.

Ирина стерла начало сообщения. Поблагодарила за перенос, отказалась от обеда. Брат прислал фотографию: младший сын в огромной шапке стоял возле машины и держал двумя руками коробку с пирожками. «Вам оставим». Она увеличила снимок. Шапка сползла мальчику на брови, коробку он прижимал к животу, спасая от ветра.

Ирина написала: «Спасибо».

До приема оставалось почти три часа. Убирая постель за спинку дивана, Ирина зацепила край простыни за винт на ножке. Катя присела рядом, высвободила ткань.

— Рома все собирается подкрутить. Забывает.

В пятницу Рома вернется, и диван, наверное, уберут до следующего приезда. Ирина могла бы завтра уехать, а в по-

недельник снова сидеть в клинике, слушать жалобы на опоздавшего врача. Все нужное ей для отъезда по-прежнему помещалось в дорожную сумку.

— Я до конца недели останусь, — сказала она.

Катя провела ладонью по зацепке на простыне.

— Ты же и так до пятницы собиралась.

— До воскресенья.

— А работа?

— Договорюсь.

Ирина сразу написала заведующей. Та прочла сообщение и перезвонила. Разговор занял десять минут. Ирина вышла в прихожую, говорила тихо, однако слова «за свой счет» произнесла отчетливо. В понедельник ей надо было выйти к открытию.

Когда она вернулась, Катя была уже одета. Папка лежала на столе, возле нее паспорт и маленькая фотография Лидии. На снимке та щурилась, одной рукой придерживая волосы. За плечом виднелась дверца машины.

— Это для заявления? — спросила Ирина.

— Не знаю. Взяла на всякий случай.

Катя убрала фотографию в отдельный карман сумки.

У дома на бывшей витрине висела металлическая табличка. Вход оказался со двора. Они обошли лужу у арки, поднялись на второй этаж. В коридоре пахло кофе и горячим пластиком; возле копировального аппарата стояла коробка использованной бумаги. На двери с фамилией Корнеевой было

маленькое расписание приема.

Катя поправила ремень сумки, дважды проверила застежку.

— Ты ей все расскажешь?

— Что знаю.

— Про себя тоже.

— Да.

Дверь открыла женщина в темно-зеленом кардигане. Ирина почему-то ожидала увидеть человека значительно старше. Корнеева отступила, пропуская их, и указала на крючки у стены. На широком столе лежала закрытая папка, возле клавиатуры стояла кружка с карандашами.

— Екатерина? Проходите. Вы писали вчера.

Катя назвала Ирину, затем села на ближайший стул. Ирина заняла соседний. Вместо того чтобы сразу достать бумаги, Катя положила сумку себе на колени.

— Моя мама пропала в две тысячи восьмом году, — сказала она. — Мы не знаем, где она. Ее сестра умерла в субботу. Это мама Ирины.

Корнеева кивнула, не потянувшись к закрытой папке.

— Примите соболезнования. Что вы хотели бы сейчас выяснить?

— Была ли она у вас.

Женщина посмотрела сначала на Катю, потом на Ирину.

— Прежде чем продолжим: я не могу обсуждать с вами, кто обращался ко мне и что рассказывал. Родство само по

себе этого не меняет.

Катя раскрыла сумку.

— Она ваш телефон написала.

— Покажите, пожалуйста, что вы принесли.

Катя выложила прозрачную папку и повернула оборот к Корнеевой. Ирина смотрела, узнает ли та почерк, но женщина только придвинула лист ближе и надела очки.

— У нас оба листа, — сказала Ирина.

— Я прочитаю?

Катя кивнула. Корнеева разложила страницы рядом, как Катя накануне. Прочитала, затем перевернула первую еще раз.

— Вы хотите узнать, что можно сделать с этим текстом?

— Я хочу узнать, что она вам сказала, — ответила Катя. — Здесь написано, что она ничего не знает. А вы можете знать.

— Я понимаю ваш вопрос. Но не смогу ответить на него рассказом о чужих разговорах.

— Даже теперь?

— Смерть не дает мне права раскрыть тайну.

Ирина увидела, как Катя вдавила большим пальцем пряжку на ремне сумки. Взгляд Корнеевой не изменился; она не выглядела человеком, который ждет более убедительной просьбы.

— Тогда зачем мы пришли? — спросила Катя.

Ирина потянулась к папке, намереваясь убрать ее, и остановилась. Катя не вставала.

— Обсудить сведения, которыми располагаете вы, возможно, — сказала Корнеева. — И порядок их передачи. Если вам нужна помощь дальше, надо отдельно решить, кто ее оказывает и кому. Сейчас вы пришли вместе, но ваше положение разное.

Ирина убрала руку со стола.

— Я подписывала, что видела Лидию утром. У нас дома. Но лица не видела. На самом деле я не могу сказать, кто там был.

Корнеева сняла очки.

— Вы готовы сообщить об этом сами?

Катя повернулась к Ирине. В коридоре заработал копировальный аппарат, негромко щелкая после каждого листа.

— Да.

— У вас есть копия того, что вы подписывали?

— Нет.

— Когда и кому давали эти сведения, помните?

Ирина назвала год и попыталась назвать день. После субботы было воскресенье; затем она уезжала на учебу, потом мать звонила, чтобы вернулась. Но сколько дней прошло между исчезновением и тем разговором, она не знала.

— Число не помню. Меня мама привела. В здании, где тогда была милиция, у рынка. Не здесь, дальше. Мужчина записывал. Я читала и подписала.

— Фамилию его помните?

— Нет.

Корнеева пододвинула ей чистый лист.

— Не пытайтесь сейчас угадывать дату или должность. Начните с того, в чем уверены. Это пока ваши записи для себя.

Ирина взяла ручку. На работе она записывала любое сообщение, стоило человеку начать говорить. Теперь на листе появились только имя и фамилия.

— Мне может за это что-нибудь быть? — спросила она.

Катя отвернулась к окну.

Корнеева не ответила сразу.

— Сначала нужно увидеть старый документ. Не всякий подписанный лист — показания свидетеля. Обещать отсутствие последствий я не могу. Вам нужен отдельный адвокат, который будет представлять ваши интересы.

Ручка оставила точку под Ириниой фамилией.

— Я не хочу сначала договариваться, как сказать безопаснее.

— Адвокат нужен, чтобы вы понимали свои права. Он не должен придумывать за вас, что вы видели. Решение говорить тоже за вами.

Ирина посмотрела на Катю. Та сидела боком, положив сумку на пустой стул. Ее лицо отражалось в стекле дверцы шкафа.

— Я расскажу, — сказала Ирина. — Сегодня. Мне нужен человек, который поедет со мной. Отдельно от Кати.

Корнеева кивнула.

— Могу дать контакт коллеги. С ним и обсудите поручение.

Катя наконец повернулась.

— А мне что делать? Я не знаю даже, искали ли ее после того, как сказали, что уехала. Мне было шесть.

— Что вам известно об обращении тогда? Есть какие-нибудь ответы, номера?

— Ничего. Я видела только листки с фотографией. Отец расклеивал.

Ирина вспомнила бумажную полосу на столбе возле магазина: серый отпечаток Лидиного лица, надорванный номер телефона. Мать велела ей не смотреть, потому что Сергей опять устраивал представление. Этот разговор она помнила лучше, чем комнату, где подписала лист.

— Нас опрашивали, — сказала она. — Значит, что-то было.

— Нужно установить, какие материалы есть и что с ними происходило. Заранее говорить об их содержании нельзя, — ответила Корнеева. — А сообщить новые сведения вы можете сейчас. Давность исчезновения не повод отказываться принимать сообщение.

Катя достала фотографию.

— Но это уже другое. Получается, она могла никуда не уезжать.

— Текст дает основания проверить прежний рассказ. Он не устанавливает, что с ней случилось.

— Я поняла.

Катя потерла переносицу, затем выпрямилась:

— Я хочу подать. И оба листа приложить. Чтобы опять не осталась только первая половина.

Она прижала ладонью угол фотографии. Корнеева подвинула второй чистый лист к ней.

Они записывали по очереди. Катя остановилась на полном имени матери, спросила, надо ли отчество, и, услышав ответ, дописала его. Ирина начала с короткой фразы: «Я видела женщину в светлом пальто». Прочитала и исправила: «Я видела со спины человека в светлом пальто». Она считала, что это женщина; проверить не пыталась. Следом написала, где находилась сама и кто потом назвал имя Лидии.

— Мама здесь пишет, что папа ей сказал про отъезд, — произнесла Ирина. — Его уже нет. Он умер семь лет назад. Если он единственный знал...

Корнеева подняла глаза.

— Это вы сейчас предполагаете. Отдельно запишите, что сами от него слышали.

Ирина перечеркнула начатую на полях фразу. От отца она слышала, что Лида взрослая женщина и сама решает, как жить. Он говорил это за ужином, раздраженно отодвинув тарелку. Когда именно, она опять не помнила.

Катя попросила вернуть страницы. Разглядывала подписи, положив рядом фотографию матери. Лидия на ней улыбалась неловко, краем рта: человек с фотоаппаратом, веро-

ятно, застал ее посреди движения.

— Это точно Вера Алексеевна подписала?

— Я узнаю подпись, — сказала Ирина.

— Мы можем сообщить, где вы нашли документ и почему считаете его написанным ею, — ответила Корнеева. — Проверку подлинности это не заменяет.

Катя перевела взгляд на закрытую папку возле клавиатуры. Корнеева ее не тронула. Ирине тоже хотелось спросить, что в ней лежит. Она уже набрала воздуха, но Катя убрала страницы в прозрачную обложку.

— Можно я ваши слова про заявление запишу? — спросила Катя.

— Конечно. А в заявлении изложите своими словами, что вам стало известно. Письмо приложите отдельно. И различайте, что помните сами, а что слышали от других.

Катя записала несколько строк в телефоне. Потом добавила еще одну и показала Ирине: «Спросить, что раньше делали по розыску».

Ирина кивнула.

Корнеева написала фамилию коллеги и номер на отдельной карточке, предложила позвонить при них и выяснить, сможет ли он принять Ирину. Та согласилась. Пока шел разговор, Катя убрала свои записи и проверила, оба ли листа в папке. Ирина положила свой черновик поверх паспорта.

Коллега Корнеевой мог встретиться через час. Он сам позвонил Ирине, уточнил, о чем идет речь, и попросил пока

не отправлять ему документы из чужой переписки. Они договорились об адресе и встрече. Ирина записала фамилию: Серов. Имя и отчество пришлось переспросить.

Когда они уже встали, Катя задержалась у стола.

— Она написала: «Я долго верила». Вы думаете, она правда верила?

Вопрос был обращен к Корнеевой. Ирина поняла, что тоже ждет ответа.

— По этому тексту я не могу знать, чему она верила в разные годы, — сказала женщина. — Здесь есть конкретное утверждение: утром сестру не видела. Его можно проверять.

Катя убрала папку в сумку.

На лестнице она пошла впереди, не оглядываясь. У двери во двор остановилась, пропуская мужчину с мокрым зонтом. Он долго придерживал створку, хотя обе могли бы открыть ее сами.

— Я думала, она нам расскажет, — сказала Катя уже в арке.

— Я тоже.

— Теперь опять надо идти и говорить: я не знаю, где моя мама. У нее там будет все про меня записано. А я сижу и не могу спросить.

Ирина не знала, что лежало в закрытой папке. Возможно, совсем другое дело, с которым Корнеева работала до их прихода. Она сказала об этом Кате.

— Знаю. Но все равно смотрела на нее.

Они вышли к рынку. Под навесом продавали колготки, рядом пожилая женщина перекладывала яблоки из ящика на картон. Ирина остановилась возле свободной скамейки, чтобы убрать паспорт глубже. В сумке среди зарядок застрял чистый конверт из гостиницы. Она вынула его и вложила в него свой исписанный лист.

— Пока я к Серову, ты где будешь?

— С тобой дойду. Подожду, где скажут.

— Тебе не обязательно.

Катя посмотрела на нее.

— Я знаю. Мне так удобнее. Потом вместе пойдем.

Ирина убрала конверт. На телефоне было два пропущенных от Антона. Она перезвонила.

— Вы где потерялись? — спросил он. — Я заезжал, вас нет.

— У нас встреча была.

— С кем?

Ирина смотрела, как Катя вытирает скамейку бумажным платком, хотя садиться они не собирались.

— Мы спрашивали, как передать мамины листы. Я еще буду говорить про то, что сама подписывала.

— В смысле передать? Кому?

— В полицию.

Брат помолчал. Ирина услышала, как он выключил поворотник.

— Ир, ты бы хоть позвонила. Я мог с вами поехать. Зачем

вы вдвоем, ничего не зная?

— Сейчас узнаем.

— Ты подожди, я через сорок минут освобожусь.

— У меня уже назначено. Я не буду переносить.

Он спросил, кто ей назначил. Ирина назвала Серова, хотя минуту назад собиралась закончить разговор без объяснений. Антон повторил фамилию, сказал, что такого не знает, и попросил позвонить после.

Она согласилась. Катя выбросила платок в урну.

— Он приедет?

— Я сказала, что ждать не будем.

У перехода сменился сигнал. Катя пошла рядом, придерживая сумку с двумя листами. Ирина достала карточку, чтобы еще раз сверить адрес, и повела их к следующему дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.